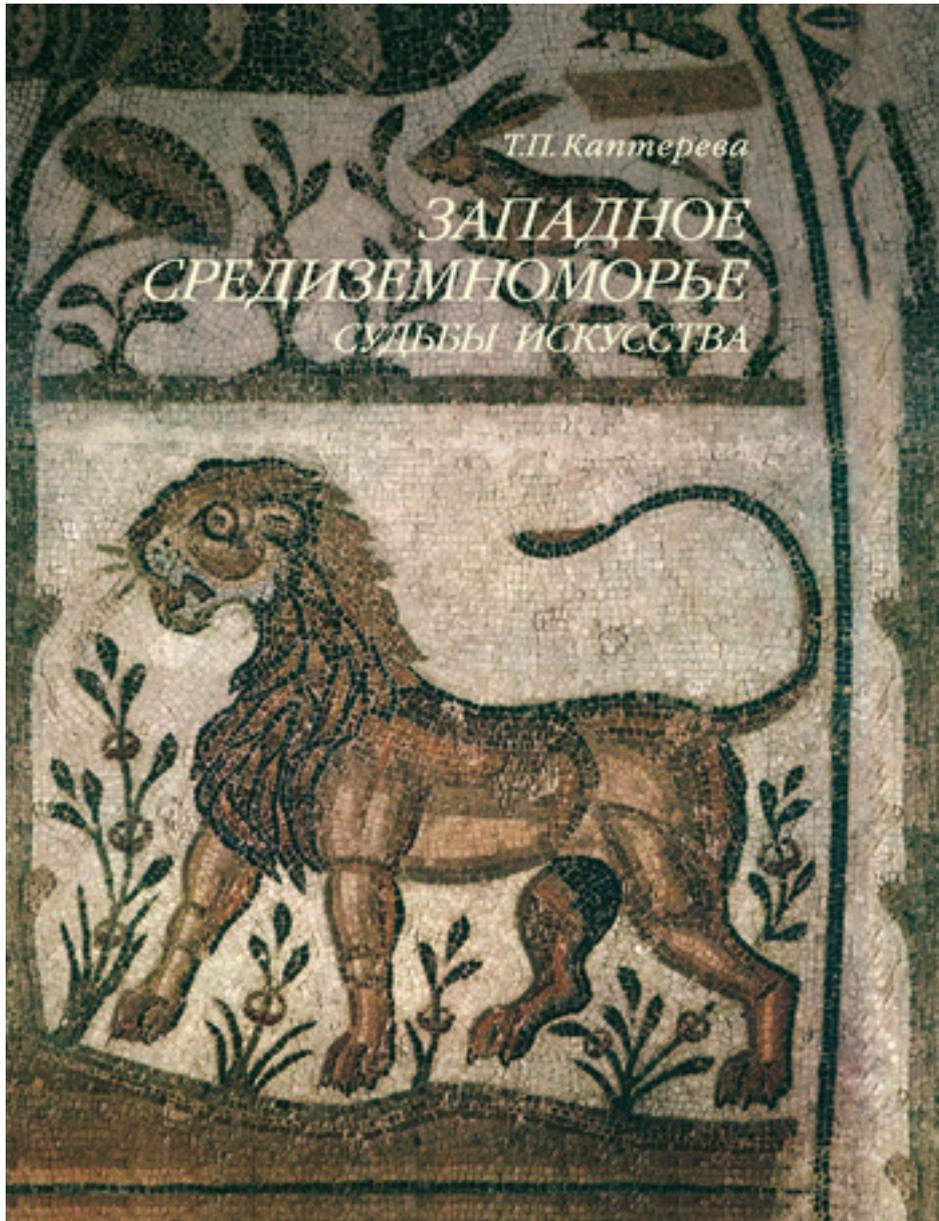

Т.П. Кантерева

**ЗАПАДНОЕ
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ
СУДЬБЫ ИСКУССТВА**

Татьяна Каптерева

**Западное Средиземноморье.
Судьбы искусства**

«Прогресс-Традиция»

Каптерева Т. П.

Западное Средиземноморье. Судьбы искусства /
Т. П. Каптерева — «Прогресс-Традиция»,

Книга доктора искусствоведения, действительного члена РАХ Т.П. Каптеревой представляет собой сборник избранных трудов, созданных автором за годы работы в НИИ теории и истории изобразительных искусств. Помимо впервые опубликованных на русском языке материалов об искусстве стран Северной Африки и Пиренейского полуострова книга содержит главы, посвященные уникальным художественным явлениям этого региона, возникшим в результате взаимодействия местных и привнесенных извне традиций. Научное исследование имеет познавательный интерес для широкого круга читателей.

Содержание

ОТ АВТОРА	8
КАРФАГЕНСКИЕ ДРЕВНОСТИ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Т.П. Каптерева

Западное Средиземноморье

Судьбы искусства

Печатается по решению ученого совета НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств

Рецензенты:

кандидат искусствоведения *Т.С. Воронина*

доктор искусствоведения, действительный член РАХ *В.П. Толстой*

Тунис, музей Бардо.

Типаза. Вид кардо в северном направлении

*Менада из Тубурбо-Майуса. Фрагмент.
Мраморная копия бронзового рельефа Каллимаха. Тунис, музей Бардо*

ОТ АВТОРА

Предлагаемый вниманию читателя сборник статей и очерков, написанных и опубликованных порознь в разные периоды моей научной жизни, посвящен, как явствует из названия, проблемам истории искусства Западного Средиземноморья. Содержание сборника, составленного на первый взгляд по географическому и хронологическому принципу, в действительности отражает выработанную десятилетиями исследовательского труда авторскую концепцию интерпретации контактов в этом регионе разных цивилизаций. Неоднородный исторический процесс, затрагивающий и мировые центры, и отдаленные малоизвестные районы – именно этот процесс столкновения, пересечения, взаимодействия или наследования традиций различного происхождения определяет общность и сходство далеко не близких друг другу художественных культур.

Страны, лежащие по обе стороны Средиземного моря в его западной части, на протяжении долгих десятилетий оставались для нас невиданным и неведомым краем земли, областью романтических представлений, во многом порожденных греко-римской мифологией и испанской литературной классикой. Раннее увлечение испанистикой, постепенное и все более глубокое погружение в круг проблем и вопросов истории художественной культуры средневековой Испании поставило меня перед необходимостью расширения поля исследований, как в пространстве, так и во времени. Изучение причин и истоков испанской художественной специфики неизбежно обнаружило в искусстве этой страны не обычное по своей сложности сплетение различных – порой до отрицания друг друга – культурных традиций и вместе тем тесных – подчас до неразделимости их – исторических связей. Эти связи вели и в христианскую Португалию, и на африканское побережье, в мир арабских и берберских племен Магриба (мусульманского Запада), и далее, на мусульманский Восток, уводили в глубь столетий – к римской и доримской эпохам, за рамки Средневековья и к Новому времени.

Одну из интереснейших, но мало изученных областей искусствознания представляет овеянное романтическим ореолом искусство Карфагена – могучего города-государства, с которого, по сути, начинается документированная история художественной культуры древнего Магриба.

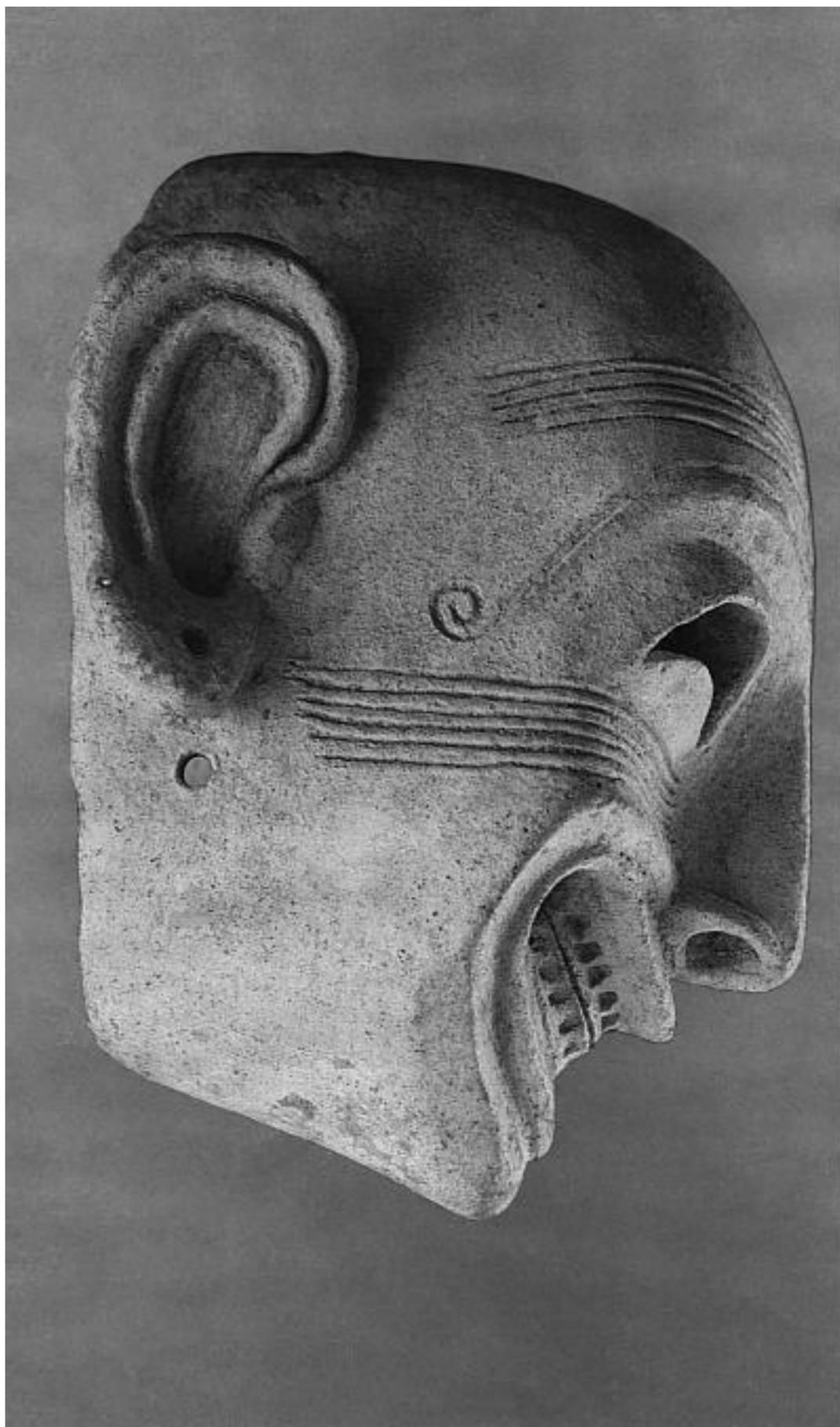
В истории архитектуры Древнего Рима особую, еще не до конца выясненную роль составляют города Римской Африки, археологические исследования которых по сей день служат неиссякаемым источником пополнения музейных коллекций превосходными произведениями античной скульптуры и живописи. Однако если мозаики Туниса, Алжира, Марокко и Ливии уже получили достойное признание в научных и популярных изданиях, то близкие им по стилю и технике выложенные тессерами из цветного камня мозаичные полы античных построек Испании и Португалии пока в значительной степени остаются предметом полевых и кабинетных исследований. Между тем они представляются наиболее ярким и привлекательным проявлением античного искусства на территории Пиренейского полуострова.

В процессе многолетнего изучения художественной культуры мавританской Испании и средневековой Северной Африки возник вопрос о ранее неизвестном отечественному искусствознанию берберском искусстве как специфическом, неразрывном компоненте «мавританского стиля» и, вследствие такого открытия, о классификации автохтонного творчества берберов как типологически самостоятельного художественного явления.

К области слабо изученного следует отнести и искусство рукописной иллюстрированной книги, в существовании которого многие исследователи длительное время отказывали арабскому Западу. Зарубежные публикации последних лет подтвердили давнюю гипотезу развития собственного стиля миниатюры внутри мавританского искусства.

Многолетнее изучение памятников и в целом художественных культур Западного Средиземноморья, оказавшихся в отдалении от магистральных путей искусства, вызвало к жизни необходимость научного осмысления подобного явления. В результате мною была написана статья об особенностях развития маргинального стиля. Построенная на материале испанских и португальских памятников, эта статья, однако, носит обобщающий характер и подводит своего рода итог размышлениям о судьбах художественных культур, которые с древнейшего времени наполняли духовную и интеллектуальную жизнь Западного Средиземноморья и простирали свое влияние далеко за пределы региона.

КАРФАГЕНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Маска гротескного типа. VI в. до н. э. Тунис, музей Бардо

Историко-культурный процесс в Западном Средиземноморье с глубокой древности отличался меняющейся расстановкой сил борющихся между собой народов, распадом одних государственных образований и выходом других на арену истории. Воссоздание этого процесса в его огромной временной протяженности невыполнимо. Современные знания, основанные на письменной традиции, далеко не всегда находят подтверждение в археологических изысканиях и подчас случайных и фрагментальных, открывающих неожиданно новые аспекты в понимании того или иного явления. За общей внешней канвой многочисленных событий и фактов угадывается сложнейший, глубинный процесс пересечения культур и цивилизаций Древнего мира, где цепь привнесенных извне влияний вплеталась в многосоставную основу местных традиций.

Еще в начале I тысячелетия до н. э. древние греки полагали, что здесь находится край света, и называли области между Атлантическим океаном и Средиземным морем Крайним Западом – владением Геспера (Hesperos), божества прекрасной Вечерней Звезды. Вспомним, что греки называли Гесперией Испанию, что у берегов реки Океан в волшебном саду жили нимфы Геспериды, хранившие золотые яблоки вечной молодости, а на самом краю света их отец титан Атлант (или Атлас) держал на своих плечах небесный свод. По мере того как греческие корабли устремлялись на запад, край света отодвигался все дальше и дальше, был отнесен к огромному горному массиву Атласских гор, за которым начиналось бескрайнее царство бога Оксана (Атлантический океан). Имя мифологического гиганта навсегда вплелось в эти географические названия. В понятиях и обозначениях далекого загадочного края долго жили образы захода солнца, вечерней зари. Римского поэта IV века Павлина Ноланского Испания восхищала космическим масштабом «богатой страны, где виден солнца закат в глубине вод океана»¹. На грандиозных землях Крайнего Запада властвовали могучие великаны и невиданные чудовища, которых в прославленных подвигах побеждали герои греческой мифологии. Поблизости от сада Гесперид, на атлантическом берегу Африки, словно на грани жизни и смерти, обитали сестры-горгоны, внучки земли Геи и моря Понта. Порождение тератологической стихии – крылатые, клыкастые, рыкающие существа с клубками змей вместо волос – обладали взором, превращающим все живое в камень. В отличие от своих сестер горгона Медуза была смертной. Персей, сын Зевса и аргосской царевны Данаи, один из древнейших героев греческой мифологии, руководимый олимпийскими богами Афиной и Гермесом, снабженный крылатыми сандалиями, шапкой-невидимкой и кривым острым ножом, поднялся в воздух и обезглавил Медузу, глядя в свой медный щит на ее отражение, так чтобы их взгляды не встретились. При помощи шапки-невидимки он спасся от разъяренных горгон и отдал Афине голову Медузы; помещенная на щит богини, она стала ее непременным атрибутом, изображение головы Медузы украшало военные доспехи полководцев и римских императоров, получило распространение в античной скульптуре и живописи.

Персей был предком Геракла, самого почитаемого из героев-богов античного Средиземноморья. Для того чтобы совершить свой десятый подвиг – похитить коров с лежащего далеко в океане острова Эрифийи, царства чудовища Гериона, наделенного не только тремя головами, но и тремя туловищами, – Геракл направился в испанский Тартесс, а до этого, по пути, воздвиг на берегах пролива, отделявшего Европу от Африки, остроконечные скалы – Геракловы столпы. По другой версии мифа, он раздвинул горы, закрывающие вход в океан, и создал пролив (Гибралтарский). В поисках золотых яблок нимф-гесперид Геракл прошел в Ливию (то есть Африку), где победил царя Ливии Антея, сына бога Посейдона и богини Геи, оторвав его от Матери-Земли, прикосновение к которой дарило великану неуязвимость и бессмертие. Исполнив Атлас достал герою золотые яблоки гесперид, в то время как Геракл держал за него небесный свод. Согласно Помпонию Меле (латинский писатель I века), герой сам добыл яблоки в саду гесперид, убив сторожившего их дракона.

Популярности культа Геракла в Западном Средиземноморье в значительной мере способствовало то, что он отождествлялся с финикийским богом-путешественником Мелькартом и мифологические сказания о нем, возможно, базировались на древней финикийской основе. Можно предполагать, что за фантастической оболочкой мифа угадываются отзвуки каких-то реальных событий: за подвигами Геракла в странах Крайнего Запада – продвижение финикийцев в ранее неизведанные области Средиземноморья, за схваткой Геракла с Антеем – давняя борьба греков с ливийцами².

Вместе с тем не следует забывать об особой силе поэтического воздействия древнегреческой мифологии с ее идеей победы смертного человека над всевластными силами природы, жестоким хтоническим миром. Нет необходимости доказывать насколько глубоко проникла она в сознание людей древности, возвышая и окрыляя их воображение.

В VIII–VI веках до н. э. греческие суда все настойчивее устремляясь в западные воды Средиземного моря, создавали колонии и торговые фактории на его ближних и дальних берегах. Необходимо представить себе во всей многообразной полноте шедший веками общий процесс влияния греческой цивилизации на культуру стран Средиземноморья. В разных регионах он проявлялся в разной степени активности и подчас смещался во времени. В истории культуры Западного Средиземноморья этот процесс можно уподобить непрерывному движению волн разной силы – не все из них доходило до дальнего берега.

Однако другой народ давно опередил колонизационные устремления греков в Западном Средиземноморье. Этим народом были отважные и предприимчивые финикийцы, уроженцы Азии, завоевавшие свое место в истории активной ролью в развитии мореплавания, международной торговли и созданием системы алфавита, который был затем распространен арамеями и греками и стал родоначальником поздней письменности народов Евразии.

Финикийцы, принадлежавшие к группе западно-семитских племен – хананеян, жили на узкой прибрежной полосе в восточной части Средиземного моря у подножья теснивших их Ливанских гор. Они населяли небольшие рабовладельческие города-государства – Угарит, Арвад, Библ, Сидон, Тир, которые ревностно отстаивали свою самостоятельность и не объединялись даже перед лицом военной опасности, хотя земли Финикии неоднократно включались в состав мощных древневосточных деспотий.

Уже в глубокой древности финикийцы освоили берега Средиземного моря. Стоянка кораблей, где мореходы отдыхали и запасались пресной водой, служила местом их обменной торговли с населением. Они нередко возводили здесь примитивное святилище, служившее своего рода опорным пунктом, ориентиром. По словам древнегреческого историка Диодора Сицилийского, сравнительно небольшой ассортимент изделий финикийские купцы обменивали на испанское серебро, которое везли, получая огромный доход, в Азию, Грецию, другие страны. Обнаруженные на территории Пиренейского полуострова фрагменты восточных изделий свидетельствовали о том, что финикийцам удавалось с большой выгодой для себя произвести неравный обмен, поскольку местные жители в ту пору еще не знали истинной ценности драгоценного металла. Несомненно, что рассказ Диодора повествует о самом раннем периоде испано-финикийских связей.

В конце II тысячелетия до н. э. финикийские города-государства начали активную колонизацию побережья Средиземного моря, проникли в западную Сицилию, Сардинию, на остров Мальту, Балеарские острова, южное побережье Галлии. Их внимание уже давно привлекал легендарный Тартесс, процветающая держава Тартессиды, которая славилась в Древнем мире металлами (особенно серебром) и торговала с атлантической Европой. Это бесследно исчезнувшее государство располагалось, по-видимому, на юго-западе Испании в нижнем течении реки Гвадалквивир. Выйдя на атлантическое побережье Пиренейского полуострова, финикийцы основали в XII веке до н. э. Гадир (латинск. Гадес, совр. Кадис) – древнейший город Европы, а на южном побережье ряд менее значительных поселений. В северо-западной

Африке, на берегу океана и на тунисском берегу, они заложили города Ликс и Утику. В IX веке до н. э. колонисты из Тира основали в Северной Африке города Хадрумет (совр. Сус), Гиппон Диарит, Великий Лептис и, наконец, Карт Хадашт, т. е. Новый город, по-гречески Кархедон, латинское название Carthago, Карфаген (совр. арабск. Картаджанна).

Вопросы хронологии, особенно этой древнейшей эпохи, исключительно сложны прежде всего потому, что данные литературных источников не всегда находят подтверждение в новейших археологических исследованиях. При успехах современной археологии и точности ее данных некоторые сведения древних авторов подвергаются сомнению. В настоящее время наметилась тенденция пересмотреть традиционные даты и факты истории. Многие точки зрения настолько специальны, спорны и гипотетичны, что нам не представляется возможным коснуться их в пределах данной работы. За последние десятилетия сама дата основания Карфагена вызвала разногласия.

Традиционная дата, принятая большинством исследователей, – 814 год до н. э., за тридцать восемь лет до первой Олимпиады, согласно сицилийскому историку Тимею из Таормины (III век до н. э.), на которого ссылается Дионисий Галикарнасский (I век до н. э. – I век н. э.). Существует и другая версия римского историка Юстина (I век н. э.), автора извлечения из не дошедшего до нас исторического сочинения Помпея Трога. Это – 825 год до н. э., за семьдесят два года до основания Рима.

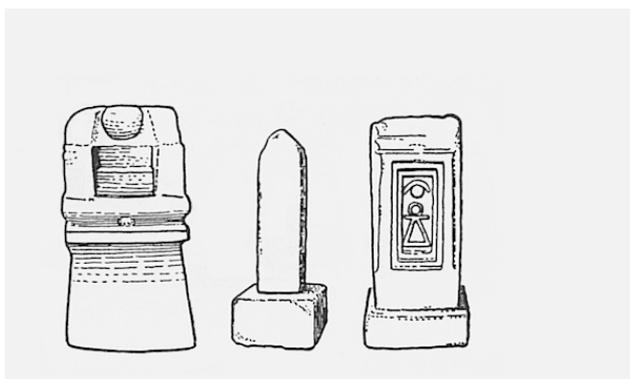
Опубликованные в последние десятилетия новые источники по хронологии Финикии X–IX веков до н. э., в частности по хронологии Тира I тысячелетия до н. э., обнаружили, что датировка Юстина является единственно правильной.

Существует предание об основании Карфагена, которое несомненно восходило к карфагенским источникам. Согласно Помпею Трогу – Юстину, финикийская царица Элисса, сестра Пигмалиона, царя Тира, бежала из родного города, после того как Пигмалион убил ее супруга Ахербу, жреца бога Мелькарта (мотивы убийства были вызваны внутридинастической борьбой в тирском государстве). В сопровождении своих сторонников царица отправилась вначале на Кипр, где к ней примкнули местные финикийские поселенцы, а затем корабли Элиссы подошли к берегам Северной Африки. Элисса попросила ливийского царя продать ей немного земли для постройки жилища для себя и своей свиты. Царь согласился, но с условием, что будущее жилище не должно занимать места больше того, что ограничит бычья шкура. Элисса со свойственной ее народу находчивостью умело разрешила шкуру на такое количество тонких ремешков, которыми можно было огородить холм Бирсу, где она заложила город.

Согласно другой версии, со ссылкой на Тимея, за свои долгие скитания Элисса была прозвана местным населением Дидоной (то есть Блуждающей). Судьба ее сложилась трагически. Ливийский царь принуждал Элиссу-Дидону выйти за него замуж, на этом настаивали и ее соотечественники. Притворно согласившись, Дидона приказала, для того чтобы справить обряды по покойному мужу, развести перед своим жилищем огромный костер и бросилась в его пламя. Впоследствии римский поэт Вергилий связал смерть Дидоны с историей ее драматической любви к Энею, странствующему троянцу и основателю рода Юлиев. Легендарная основательница Карфагена была обожествлена, ее культ слился с культом богини Луны.

Первоначально Карфаген играл роль крупной торговой фактории. Ранние финикийские колонии, как уже упоминалось, представляли собой место стоянки кораблей, где мореходы возводили примитивное святилище. Произведенные в 1944–1947 годах раскопки П. Сэнта в Саламбо (современное название портовой территории Карфагена), обнаружили остатки подобного древнейшего финикийского святилища, о размерах которого можно составить себе представление уже по одному тому, что это квадратное помещение имело план 2х2 м. Сооружение, называемое обычно «часовней Сэнта», сложенное из камней и побеленное, примыкало с одной стороны к пещере, высеченной в скале; перед ним располагался крошечный двор с алтарем, вход в который составлял своего рода лабиринт в виде трех concentрических стен,

по нему двигалась к святилищу процессия жертвователей. Вероятно, «часовня» была воздвигнута до начала планомерного заселения города³. Вблизи от нее археологические изыскания 1921-1949 годов, которые велись французскими и американской экспедициями, обнаружили «тофет» – священный участок, поле погребений урн с пеплом детей и мелких животных, принесенных в жертву богам Карфагена, – место, которое получило условное наименование Святилища Танит. Первый древнейший слой святилища хранил валуны-бетилы и небольшие урны различной формы, помещенные в выемках скалы и укрепленные в почве камнями.

Типы пунических стел. Из святилища Танит в Карфагене

Тип «тофета» – священного участка под открытым небом – восходил к исконно хананейскому культу камня. Найденный в первом слое керамический фонд с геометрическим узором концентрическими кругами, прямыми и зигзагообразными линиями, сосуды в виде фигурок животных свидетельствовали о привозном финикийском характере изделий. Обнаруженные в урнах обожженные кости стали веским доказательством принесенного из Финикии зловещего обряда человеческих жертвоприношений. Эта находка подтвердила описания древних авторов, в первую очередь Диодора Сицилийского. Жертвоприношения маленьких детей-первенцев долго сохранялись в Карфагене, и лишь в поздний период его истории заменялись принесением в жертву ягненка.

Постепенно город начал застраиваться и заселяться. Его развитию в немалой степени способствовало удачное местоположение на выдвинутом в море полуострове, соединенном с материком нешироким перешейком между Тунисским озером и Арианской лагуной (Себка ар-Риана). Карфаген занимал центральное место по отношению к странам Средиземноморья, он в буквальном смысле слова стоял у главных морских магистралей, связывавших Восток и Запад. Первоначально Карфаген подчинялся Тиру, посылая в храм бога Мелькарта дары и десятую долю урожая. Но по мере упадка Тира укрепилась политическая независимость Карфагена и его роль объединителя многочисленных финикийских колоний в Западном Средиземномо-

рье. Их объединение диктовалось к тому времени вполне объективными причинами. Еще с VIII века до н. э. реальной угрозой стало появление греческих поселений на традиционных путях финикийской средиземноморской торговли. Вероятно, перед лицом греческой опасности возник союз Великого Лептиса (Лептис Магна), Эа и Сабраты – трех финикийских городов на побережье залива Большой Сирт, давших впоследствии этой восточной части Северной Африки название Триполитании. Война с Грецией составила значительный период в истории Карфагена. С переменным успехом длилась борьба за Сицилию, в течение которой войска карфагенян подходили к стенам Сиракуз, а войска сиракузских тиранов к стенам Карфагена.

В 480 году до н. э. греки нанесли карфагенянам сокрушительное поражение при Гимере. Это событие способствовало экономическому спаду Карфагена, вынужденного резко ограничить сферу своей средиземноморской торговли. Данный рубеж обычно рассматривают как начало новой эры завоевания африканских земель и создания Карфагенской континентальной державы.

Процесс превращения Карфагена из торгового города в обширную страну, а колонистов из Финикии в африканцев сопровождался жестокой эксплуатацией местного населения. Завоевание новых земель, освоение природных ресурсов, внутренних рынков, широкий приток рабов – все это не могло не способствовать возвышению Карфагена. На основе многовекового земледельческого опыта метрополии сельское хозяйство развивалось особенно активно. Наряду с хлебопашеством большие успехи были достигнуты в оливководстве, виноделии, в разведении финиковой пальмы, гранатов, инжира, миндаля, различных овощей. Оливковое масло, превосходное вино вывозились в другие страны. Широкое распространение получило, в отличие от Финикии, крупное плантационное рабовладельческое хозяйство. Система ведения такого типа хозяйства, теоретиком которого был Магон (VI–V века до н. э.), признавалась образцовой в античном мире. Сочинение Магона охватывало множество вопросов от организации труда до конкретных советов по обработке земли, выращиванию тех или иных культур, а также включало сведения по медицине, ветеринарному делу и ботанике. Это было единственное сочинение, сохраненное римлянами из богатейшей библиотеки города. По специальному распоряжению сената труд Магона был переведен на латинский язык, оказав значительное воздействие на развитие римского рабовладельческого хозяйства.

Многообразием форм отличалось и ремесленное производство Карфагена. Известны упоминания о каменотесах, столярах, медниках, литейщиках; были открыты обширные керамические мастерские. Изготавливались различные виды оружия. Богатые ткани, ковры, вышивки, изделия из металла пользовались спросом. Римляне особенно ценили кожу, окрашенную в красный цвет. Остатки красилен, кучи разбитых раковин багрянки свидетельствовали о широком распространении красильного дела. В производстве преобладал тип мелких мастерских, где наряду с рабами работали и свободные ремесленники.

Однако вывоз товаров не составлял основы карфагенской торговли, которая имела посреднический характер и охватывала все страны средиземноморского бассейна. Слоновая кость, золото, страусовые перья из Африки соседствовали с североевропейским янтарем и оловом Британии, серебро из Испании с предметами роскоши и пряностями Азии, вино, масло везли из Сицилии, воск и мед с Корсики, изделия художественного ремесла из Египта, Греции, Италии. Немалую роль играла торговля рабами, огромный контингент которых поставляла Африка. Разветвленная сеть караванных дорог уходила в глубь континента, но ведущая роль принадлежала мореходам. Карфагеняне проникли в Атлантический океан, осваивая пути на юг, к берегам тропической Африки, и на север, к Британским островам.

На протяжении веков государственное устройство Карфагена, естественно, изменялось. Первоначально, по-видимому, существовала царская власть. Но, по мере того как Карфаген превращался в крупнейшую торговую державу, во главе государства стала зажиточная правящая верхушка, которая представляла интересы торговой и земельной аристократии. Многие

решалось при помощи подкупа и денег. Отдельные группировки непрестанно боролись между собой. Нередко один какой-нибудь богатый род занимал место у кормила власти (Магониды, род Ганнона Великого, Баркиды). Хотя существовали сенат и народное собрание, подлинным оплотом олигархии служил контрольный орган – совет ста четырех. Члены его не были выборными, а назначались специальными комиссиями. Два суфета, которых отчасти можно уподобить римским магистратам, осуществляли исполнительную власть. По словам Аристотеля, они были «избираемы на должность не только на основании их благородного происхождения, но также и по их имущественному цензу...»⁴.

Наемники, игравшие в древней и средневековой истории нередко роковую роль, составляли с VI века до н. э. основное ядро огромной армии карфагенян, из среды которых набирались только отборные отряды и назначались командиры. Используемые в наступлении специально обученные африканские слоны наводили ужас на противников. Но особенно славился карфагенский флот, где наряду с судами, предназначенными для торгового мореплавания, строились на местных верфях и подвижные боевые галеры.

В IV и начале III века до н. э. Карфаген был бесспорно самым сильным и процветающим государством Западного Средиземноморья. К этому времени помимо африканских владений его власть распространялась на большую часть Сицилии, южную Испанию, Сардинию, Корсику, Питиусские и Балеарские острова. Рост торгового и политического могущества Карфагена не мог не вызывать беспокойства Рима, молодой, но уже мощной италийской державы. Столкновение их становилось неизбежным.

Три этапа длительного единоборства Рима с Карфагеном за захват новых территорий, за господство в Средиземноморье составили историю Пунических войн – римляне называли финикийцев-карфагенян *руни*, *роени*, пунами, пунийцами. Пунические войны принадлежат к числу самых грандиозных, долгих и кровопролитных войн античного мира. Их история содержит немало ярких, захватывающих страниц. Память воскрешает знаменитые события, битвы, имена военачальников, и в первую очередь имя Ганнибала, не только одного из величайших полководцев древности, но и талантливого государственного деятеля.

И все же в том, что в конце концов Карфагенская держава, превосходившая Рим военным опытом, богатством, морской техникой, потерпела поражение, была определенная историческая закономерность. Эта война напоминала смертельную схватку двух хищников, из которых неизбежно должен был победить молодой, настойчивый, полный нерастратченных сил. Римское государство с его крестьянской армией свободных граждан представляло собой целую систему таких политических, социальных, экономических и моральных факторов, перед которыми оказалась бессильной военная машина Карфагена. Трудно было достичь победы в этом единоборстве разбросанной по всему Средиземноморью колониальной державе, власть которой основывалась на порабощении чужеземных народов, на успехе наемной армии, державе, страдавшей, по словам академика Б.А. Тураева, «старческой болезнью торговых республик» – противоположностью огромных рабовладельческих латифундий разоренной бесправной массе мелких производителей, пополнявшей ряды люмпен-пролетариата⁵.

В период Пунических войн произошли события, важные для судеб карфагенской цивилизации. Потери, понесенные карфагенянами в первой Пунической войне, в известной мере компенсировались новыми завоеваниями. В 237 году до н. э. полководец Гамилькар Барка положил начало захвату новых территорий в южной Испании до реки Эбро. Завоевание продолжил его зять Гасдрубал, основавший Новый Карфаген (совр. Картахена). Обращенный к морю богато застроенный город в глубине залива с крепостью и храмами на холмах стал главным оплотом карфагенского владычества в юго-восточной Испании, планомерное завоевание которой должно было превратить Пиренейский полуостров в плацдарм для будущей войны с Римом. Драматическая судьба юго-восточного испанского города Сагунто, павшего после шестимесячной осады его армией Ганнибала, послужила началом Второй Пунической войны

(218–201 годы до н. э.), которая закончилась победой Рима. Хотя господству Карфагена в Испании пришел конец, оно успело принести огромные новые доходы всему пуническому миру и сопровождалось растущим влиянием финикийско-пунической цивилизации на развитие письменности, религии, мореплавания, строительной практики, хозяйственной жизни этой страны, а для искусства иберийского населения стало главным источником его ориентализма. Нельзя не согласиться с выводом отечественного исследователя Ю.Б. Циркина: «Дважды в течение последних трех тысячелетий на Пиренейском полуострове развивалась типично восточная культура, хотя и приобретающая здесь некоторые своеобразные черты: сначала это происходило в древности, когда на юге и юго-востоке жили финикийцы, а потом – в Средние века, когда полуостров стал ареной развития арабской цивилизации»⁶.

Воздействие финикийской художественной традиции на искусство Испании складывалось из двух пластов творчества: одного – более древнего, непосредственно связанного на испанской почве с традицией собственно Финикии, и другого – испано-пунического, получившего развитие в испанских колониях Карфагена. Разделение это было закономерно в силу того различия, которое существовало между финикийской метрополией и карфагенским государством, что сказалось в особенностях экономической структуры и общественного строя, в религии, искусстве и отчасти даже в письменности.

Значительным событием во время Второй Пунической войны стало образование независимого Нумидийского царства в восточной части современного Алжира; объединение североафриканских племен возглавлял агеллид (вождь) Масинисса. В 201 году до н. э. за помощь, оказанную Риму, он стал правителем всего Нумидийского царства. Хотя государство Масиниссы и его преемников просуществовало недолго и было уничтожено Римом, именно стремление Масиниссы присоединить к своим владениям часть карфагенских земель и его война с Карфагеном послужило поводом для Рима начать в 149 году до н. э. Третью Пуническую войну, ибо по условиям мирного договора 201 года карфагеняне не могли без согласия Рима воевать в Африке. К тому времени сам факт существования державы пунийцев был препятствием на пути Рима к средиземноморскому господству. Влиятельная партия в сенате во главе с Катонем Старшим требовала полного уничтожения Карфагена. Перипетии недолгой Третьей Пунической войны окрашены глубоким трагизмом. Когда огромная армия римлян высадилась близ Утики, карфагеняне обратились к ним с просьбой о мире. Римляне соглашались на мир при условии выполнения некоторых требований. Но как только пунийцы их выполняли, они предъявляли новые и более жесткие. Сперва жители Карфагена выдали триста молодых заложников из знатных семей, затем все свое оружие, доспехи и корабли, которые римляне сожгли. Когда же последовало требование оставить подлежащий разрушению город и переселиться в другую местность, то есть навсегда лишиться морской торговли, жители Карфагена решили сопротивляться до конца. После первого неудачного штурма крепостных стен началась осада, длившаяся более двух лет. Карфагеняне показали чудеса мужества, находчивости и самоотверженности. По словам французского историка Ш.-А. Жюльена, «самым главным в этой борьбе был народ, который поднялся против сенаторов и взял национальную оборону в свои руки»⁷. Жители осажденного города строили новый флот, ковали оружие, возводили оборонительные сооружения, взрослым помогали старики и дети, женщины из своих длинных волос плели веревки для катапульта. Когда римские войска преградили доступ в гавань каменной дамбой, осажденные прокопали новый вход. Положение, однако, изменилось с тех пор, как во главе войск стал консул Сципион Эмилиан Африканский, один из самых энергичных полководцев своего времени. Римская армия отрезала город с суши, что чрезвычайно ухудшило положение его защитников, лишенных подвоза продовольствия. Наконец весной 146 года до н. э. римляне заняли военный порт, торговую площадь и, прорвавшись в город, двинулись к Бирсе. Ожесточенные уличные бои длились около недели, пока не была взята Бирса. Последние защитники Карфагена, которые собрались на крыше храма Эшмуна, погибли в пламени.

По решению прибывшей в поверженный город сенатской комиссии он подлежал полному разрушению. Черный дым пожарищ окутал Карфаген, который горел десять дней. Его не только разграбили, уничтожили, сожгли, место, где стоял город, было запахано солью, по нему проведена плугом борозда в знак того, что оно предано вечному проклятию. Большая часть жителей была убита или продана в рабство. Те, кому удалось спастись, бежали в глубинные области. Территория Карфагена была объявлена римской провинцией Африка с главным городом Утикой.

Прошло, однако, некоторое время, и по предложению Кая Гракха римский сенат решил основать на месте пунического Карфагена новый город *Colonia Junonia* и послать туда шесть тысяч колонистов. В силу ряда неблагоприятных обстоятельств первый проект был отменен. Основание колонии осуществилось в 44 году до н. э. по приказу Юлия Цезаря. Во времена Августа колония *Colonia Julia Carthago*, заселенная несколькими тысячами колонистов, стала быстро приобретать господствующее положение среди других римских городов Северной Африки. В процессе строительства нового Карфагена были, казалось бы, уничтожены остатки пунической культуры.

Основные сведения об этой древней восточной цивилизации наука черпает из трудов античных авторов – греков и римлян. Сведения эти всегда требовали к себе объективного и критического отношения, надо было учитывать их естественную предвзятость и враждебный характер. Литературных и письменных источников самих пунийцев почти не сохранилось, их известная в Древнем мире библиотека, переданная римлянами нумидийским царям, бесследно исчезла. Далеко не на все вопросы могут ответить и изыскания археологов, работа которых на земле Карфагена имеет за собой почтенную традицию.

То, чем располагает современная наука, удивляет не столько скудностью и фрагментарностью огромного исторического материала, сколько самим фактом его сохранности в столь исключительно неблагоприятных условиях. Возникает уверенность, что пунический Карфаген не удалось все же стереть с лица земли, как считала древняя традиция. Все, что удалось обнаружить и что безусловно еще будет открыто в земле Карфагена и других пунических городов, приобретает уникальную ценность. Из крупиц этих сведений складывается представление о погибшей культуре, еще во многом не исследованной и загадочной. Многие ее проблемы не вышли за рамки чисто эмпирического накопления фактов. Стилистические особенности пунического художественного наследия почти не подвергались все стороннему научному анализу.

Данные науки позволяют представить себе в общих чертах облик пунического Карфагена.

Город начал, вероятно, обстраиваться от того места, где на побережье были обнаружены древнейший храм и святилище – «тофет». Здесь был построен искусственный внутренний порт – «кофон» или «котон» с двумя гаванями: прямоугольной, предназначенной для торговых судов, и круглой, для военного флота. Такого рода «кофоны» пунийцы, основываясь на древней финикийской традиции, особенно традиции Тира, возводили помимо Карфагена и в других городах – Утике, Хадрумете, Великом Лептисе и в Сицилии – на острове Мотия. Ныне с холма Бирсы можно разглядеть в северо-восточном направлении смутные очертания двух маленьких, занесенных илом внутренних лагун. Одна из них хранит свою первоначальную круглую форму и похожа на голубую подкову. Более выразительное впечатление производят материалы аэрофотосъемок.

Вид военного порта в Карфагене. Аэрофотосъемка

Во время работ по расчистке этих водоемов в 1954 и 1955 годах удалось обнаружить замощение дна каменными плитами, нижний слой которых, скрепленный свинцом, относился к доримскому времени. Археолог А. Мерлен нашел на острове прямоугольные столбы, разме-

щенные несколькими рядами с запада и востока и принадлежавшие, вероятно, большому зданию. В северной части военной гавани были обнаружены остатки каменного основания моста, который соединял остров с городом.

Вблизи порта располагалась густонаселенная, тесная, прорезанная узкими улочками нижняя часть города и большая неправильной формы площадь, в которой некоторые исследователи склонны видеть сходство с греческой агорой. По-видимому, эта площадь, по восточной традиции вынесенная за городские ворота, служила рынком. Из нижней части города три улицы вели к Бирсе, центру официальной и религиозной жизни Карфагена. По свидетельству Аппиана, здесь были высокие, достигавшие шести этажей дома.

Составить некоторое представление о жилой архитектуре пунийцев возможно только по аналогии и с необходимой «поправкой» на масштаб. Известно, что жители Тира, стесненные землей, строили многоэтажные дома, которые, по словам Страбона, были выше римских. О характере финикийских дворцов и храмов VIII века до н. э. обычно судят по изображениям на ассирийских рельефах. Один из них, из дворца царя Синахериба (705–680 годы до н. э.) в Ниневии, запечатлел осаду финикийского города. Дома, напоминающие гладкие каменные башни, увенчаны сплошным рядом квадратных окон, которые на половине высоты закрыты балюстрадой на небольших колонах (тип «тирского окна»). На плоских крышах возвышаются какие-то веерообразные предметы, возможно посаженные деревья.

Есть нечто общее между этими сооружениями и одним из наивных «сельских» рисунков, которые были обнаружены на стенах погребальной камеры при раскопках на тунисском мысе Бон в местечке Джебель-Млецца. Выполненные жидкой охрой на ноздреватом туфе, рисунки расплывчаты и, по-видимому, тогда же для большей четкости процарапаны по камню. Среди изображений знака богини Танит, перевернутого полумесяца, ниши, фантастического петуха (хтонический образ) и мавзолея особого внимания заслуживал помещенный на центральной стене рисунок города. Он окружен стенами из башнеобразных домов, которые увенчаны своего рода открытой лоджией. Подобное состоящее из двух частей жилище с массивным глухим основанием и верхней галереей, известное по изображению из Джебель-Млецца, возможно, отразило древнейшие формы карфагенского дома⁸.

Следует предположить, что карфагенские дома с верхней, вероятно деревянной, галереей, плоскими крышами и побеленными стенами, лепившиеся по склонам холмистого рельефа, придавали городу типично восточный облик.

И все же архитектура Карфагена в течение шести веков его существования значительно менялась. Если расположенный у моря нижний город был скученным, шумным и восточным, то застройка верхнего города-крепости Бирсы с храмом бога Эшмуна отразила поздние влияния и новые вкусы, пришедшие извне с расцветом эллинистической культуры. Здесь прямые улицы подчинялись более четкой планировке, кварталы, расположенные на разных уровнях, соединялись лестницами, и по образу городов Сицилии улицы были снабжены сточными трубами. Открытие руин целого жилого квартала в южной части холма Бирсы свидетельствовало о типе жилища, распространенного по всему Средиземноморью. Пуническая застройка была обнаружена на 3–4 м ниже римского слоя и в некоторых местах сохранила стены высотой до 1 м. Эти простые по плану небольшие и невысокие помещения произвольно группировались вокруг открытого двора. Для прочности стен, сложенных из необработанного мелкого камня, в нижней части вставлялись каменные ортостаты, то есть вертикальные столбы-монолиты, верхняя же часть зданий была сырцовой. Стены штукатурили и белили. Изнутри они украшались росписями или просто красным стуком. Были обнаружены остатки водоемов и водостоков. Ионические капители обломков колонн с декоративной розеткой между плоскими волютами отличались архаическими формами. Покрытие полов тонким слоем цемента, окрашенного в кирпично-красный цвет, с вкраплением кусочков мрамора, техника так назы-

ваемого литострота, распространенная в ту пору в странах Средиземного моря, была известна в Риме под названием «пунической вымостки».

Дома сходного типа обнаружены на мысе Бон в селении Керкуан (III–II века до н. э.). Раскопки здесь велись с 1951 года французскими археологами, а затем Национальным институтом археологии и искусств Тунисской Республики. Скромное пуническое поселение, жители которого жили рыбной ловлей и добыванием пурпурной краски, было разрушено римлянами в 146 году до н. э., разделив судьбу Карфагена. На узкие, но уже четко спланированные улицы тесно застроенного городка выходили дома без окон. Несколько комнат располагались вокруг центрального маленького двора, в ряде случаев украшенного портиками на ионических колоннах. Появление такого рода дворов было новшеством в пунической Африке и обнаружено далеко не всюду. Но знаменателен сам факт этих первых форм перистилия, которые оказали влияние на характер жилищ римской эпохи. Немаловажно и то, что одна из просторных комнат приближалась к типу приемной, к подобию экуса эллинистического времени. Городок отличался благоустройством, хорошо налаженной системой водоснабжения, в нем найдено много каменных ванн с проточной водой, цистерны, водостоки. Красивы вымостки полов из цветного камня, битой керамики и раковин с изображением священного знака богини Танит. Остатки сырцовых сводов, возведенных на каркасе из толстых стеблей тростника, свидетельствовали о стойкости очень древней переднеазиатской традиции. Керкуан был селением небольшим, второстепенным, поэтому можно вообразить себе, насколько богаче и просторнее выглядели виллы пунической знати в предместье Мегара, которое охватывало Карфаген полосой садов и виноградников. По мере расширения города вынесенные за его черту некрополи отступали все дальше и дальше. Древнейшие захоронения открыты в Утике (VIII век до н. э.). Но и в Карфагене обнаружены древние подземные прямоугольные камеры, сложенные насухо из крупных блоков и перекрытые плоской горизонтальной плитой, на которой сдвинутые под углом два камня образуют треугольный ложный свод. По финикийской традиции вырубались и глубокие склепы, в которые вели вертикальные колодцы.

Как и города Финикии, Карфаген был сильно укреплен, со стороны материка его окружали ров и два ряда мощных стен с бастионами. В 1949 году генерал Р. Дюваль обнаружил с самолета и раскопал этот ров, проходивший в самой узкой части перешейка, длиной около 2 км и шириной в 20 м. Стены были сложены из больших каменных блоков, высота их достигала 13,32 м, а ширина – 8,88 м. «Каждая из этих стен, – писал Аппиан, – была поделена на два этажа. В нижнем этаже (стена была пустая и со сводами) стояло триста слонов и рядом находились склады для их корма. В верхнем находились конюшни для четырех тысяч коней и склады сена и ячменя. Вместе с тем здесь были жилища для воинов, а именно для двадцати тысяч пехотинцев и четырех тысяч всадников»⁹. Вдоль моря тянулся ряд стен. Большие квадраты камня составляли лишь внешнюю облицовку стены, со стороны города она была сложена из щебня на известковом растворе – строительная техника, давно знакомая финикийцам и, возможно, использованная затем и римлянами. У подножья холма Борд-Джедид находился «Источник тысячи амфор», небольшое сводчатое помещение которого является созданием римлян, тогда как само хранилище пресной воды принадлежало пунической эпохе. Город занимал площадь в 300 гектаров. Во время Пунических войн, по словам Страбона, в нем жило семьсот тысяч жителей. Если даже эта цифра преувеличена в несколько раз, Карфаген по тем временам был все же исключительно густо населен.

Строгие данные науки рисуют облик древнего Карфагена лишенным черт экзотики и загадочной таинственности. Многое здесь обретает более четкие формы, и все же многое неизвестно. Мы можем отчасти судить о том, как карфагеняне сооружали морские гавани, строили укрепления, жилые дома и некрополи, но остается невыясненным образный характер их архитектуры, особенно архитектуры культовой, игравшей в искусстве Древнего мира ведущую роль.

Древние авторы рассказывали о существовании в Карфагене зданий, где собирался сенат или заседали суфеты, о богатых и прекрасных храмах. Согласно Аппиану, окруженный оградой храм Эшмуна был так построен, что мог служить для большого количества людей, его крыша (возможно, расположенная террасами) вмещала несколько сотен человек и господствовала над всем окружающим. В храме хранились разные достопримечательности. Пуническая надпись, которая рассказывала о знаменитом путешествии Ганнона-мореплавателя вдоль западного побережья Африки, была высечена в храме Кроноса, а шкуры убитых во время этой экспедиции горилл украшали храм Юноны. Так повествует Плиний, который отождествлял пунических богов с греческими и римскими.

Несомненно, что здания общественного характера, о которых шла речь, относятся к тому времени, когда в Карфагене стали преобладать новые эллинистические вкусы.

Гораздо труднее воссоздать древние финикийские формы архитектуры, которые должны были испытать какие-то изменения в новых исторических условиях на африканской земле. Здесь о многом приходится скорее предполагать, нежели что-то утверждать.

Пуническая архитектура развивалась в полной зависимости от религиозного культа. Религия Карфагена в целом мало известна. Божественная чета Баал Хаммон и Танит (или Тинит, Тиннит) Пэне Баал, то есть «лик Баала», воплощала два животворных начала высшего существа, небесного владыки. Несомненно, что Баал Хаммон восходил к финикийскому пантеону. Название Баал Хаммон означало заменявший его настоящее имя эпитет «Хозяин жаровни», либо «Владыка пламени». Греки отождествляли его с Кроносом. Более загадочно происхождение Танит. Возможно, ее культ пришел в пуническую религию из местных африканских верований. Особо почитаемым божеством считался также исцелитель Эшмун.

Первоначально «лик Баала», Танит стала богиней-Матерью Карфагена. Богиня властвовала над небесами и светилами, дарила земле плодородие, жизнь – людям, охраняла покой мертвых. Ей посвящались гранаты, лилии, миндаль, пальмы, голуби, петухи, овцы, собаки, крысы, кошки. Поклонение Танит достигло такой популярности, что оттеснило на второй план культ Баала Хаммона. Возвышение Танит произошло в IV веке до н. э. и, видимо, было связано с изменением в социально-политической и духовной сферах карфагенского общества – своего рода религиозной реформой, которая отразила новые устремления окрепшего олигархического государства. Вместе с тем развитие культа Танит оформилось под влиянием средиземноморских культов Богини-Матери. В 396 году до н. э. в карфагенский пантеон были включены греческие богини плодородия Деметра и Кора, а их храмы построены за стенами Бирсы. С IV века до н. э. в пунической Африке начали распространяться культы Диониса и Афродиты. Дионис сливался с финикийскими богами Шедом и Мелькартом, Афродита, покровительница мореходов, – с Аштарт (Астартой), ее культ пришел в Карфаген из Сицилии. Пунийцы почитали также богов Египта – Осириса, Исиду, Гора, Анубиса, особенно священного бородатого карлика Беса. Изображения этих богов в мелкой пластике, на амулетах, в украшениях стали одним из ведущих мотивов художественного ремесла, они глубоко проникли в обиход народа.

Религия пунийцев была суровой, беспощадной, тяготевавшей к имперсональности и отвлеченной созерцательности. Лишь изредка допускавшая антропоморфизм, она была пронизана жертвенной обрядностью, в которой темное начало первобытной магии сочеталось с изощренной жестокостью дряхлеющей цивилизации. Такого типа религия не могла способствовать развитию искусства, и архитектуры в частности.

Образ храма был первоначально вообще неведом семитским народам, на ранних стадиях развития которых общим было представление о боге, живущем на вершине горы или в камне особой формы. Культ священных камней-бетилов, жертвоприношение под открытым небом – все это не требовало сложных условий, специального здания, каких-либо развитых архитектурных форм. О древнейшем храме Библа начала II тысячелетия до н. э. обычно судят по изображению на реверсе бронзовой римской монеты императора Макрина (217 год), где к храму

более позднего времени примыкает расположенное на возвышении, обнесенное оградой открытое святилище с большим конусообразным камнем. Финикийцы, как впоследствии и жители Северной Африки, охотно воздвигали свои святилища на горах, их расположение высоко над землей, как и в месопотамских зиккуратах, считалось местом наибольшего приближения к божеству.

Древнейшая традиция сказалась в Карфагене в развитии святилища – «тофета», обнаруженного не только в самом Карфагене, но и в древнем Хадрумете (совр. Сус, раскопки П. Сэнты 1946-1949 годов) и более поздней эпохи – в Аль-Хофре, близ Константины (раскопки А. Бертье, 1950 год), а также в Сицилии и Сардинии. Долгие столетия «тофет» служил местом жертвоприношений.

Постепенно в Финикии и ее колониях стала складываться храмовая архитектура. Основная тенденция состояла в строительстве небольших храмов-капелл, которые служили вместилищем священного бетила или культовой статуи. К такому типу принадлежит Маабед (то есть «храм») VII-VI веков до н. э. в Амрите (Марафус) в северной Финикии. Среди прямоугольного двора (25x48 м), высеченного в скале и обнесенного внутри галереей, по ставлена огромная каменная глыба, на которой воздвигнут сложенный из крупных блоков камня наос, покрытый плоским монолитом и увенчанный карнизом с формой выкружки, называемой «египетским горлом». Подобный простой и тяжелый карниз с вогнутой выкружкой поверх толстого валика, который покоится непосредственно на архитравной балке, – неизменный мотив древнеегипетского зодчества – стал одной из характерных и устойчивых примет финикийских и карфагенских построек. Знаменитый во всем античном мире храм Мелькарта-Геракла в испанском Гадесе (Кадисе), упоминания о котором относятся к IV веку до н. э., исчез бесследно. Его древнейший облик, по-видимому, следовал традиции финикийских открытых святилищ с каменным храмом-капеллой в центре.

О характере древнейших памятников пунического культового зодчества позволяют судить раскопки карфагенского «тофета», где урны с пеплом жертв ставились под маленькие каменные алтари или помещались в их углублениях. Алтари или крошечные капеллы (0,5–0,6 м высоты) имели разную форму: то собственно алтаря в миниатюре, то трона для священного бетила, но чаще представляли собой каменные столпообразные сооружения из пористого известняка, которые в уменьшенной и упрощенной форме воспроизводили как бы фасад здания с архитектурными элементами финикийско-египетского происхождения. Обычно прямоугольник алтаря с наосом или ложным входом в центре обрамлялся массивными пилястрами и завершался тяжелым карнизом «египетского горла». Под карнизом располагался фриз, украшенный божественными символами – солярным диском с крыльями, священными змеями – уреями и некоторыми декоративными мотивами, например финикийскими пальметками, а также символическими знаками. Иногда столб-алтарь возвышался на массивном каменном основании. Можно вообразить себе, как выглядели эти небольшие мрачноватые пунические храмы VII-VI веков до н. э. с выделенным приземистым входом, которые напоминали финикийские «капеллы», подобные святилищу в Амрите. Их суровый монолитный массив восходил к культу священного камня.

Постепенно в архитектуру Карфагена проникло греческое влияние. В V веке до н. э. вместо тяжелых алтарей-столбов появились типы более легких стел из песчаника, обелисков с пирамидальным завершением, а затем плоских плит с треугольным фронтоном. Возник образ нового, уже греческого «храма» с акротериями, колонками и античными декоративными мотивами. Колонны обрамляли вход в храм, образуя портик. Но иногда колонна изображалась как бы независимо от своих архитектурных функций, одинокой в центре стелы, где она служила «подставкой» для какого-нибудь символического предмета. Подобный мотив несомненно восходил к финикийской традиции воздвижения изолированно стоящих колонн – прообраз бетиллов. Наряду с архаической ионийской капителью с сильно изогнутым каналом между волютами

применялись и более сложные, близкие к кипрским формы растительной капители, которая включала цветок лотоса.

Храмы в этот период стали украшаться статуями пунических божеств. Не случайно, согласно свидетельству Страбона, поздний Карфаген напоминал эллинистические города.

Большую роль в архитектуре пунийцев играл строительный материал. Финикийцы были мастерами обработки камня и великолепными плотниками. Без сомнения, карфагеняне утвердили в Африке эти многовековые навыки строительного дела. Из дерева им приходилось сооружать свой огромный флот. Но для украшения зданий жители Карфагена не употребляли редкий в Африке мрамор. Их строительные приемы отличались тем житейским практицизмом, который диктовал строителям применять более дешевые, легко поддающиеся обработке местные породы песчаника, грубые необработанные блоки камня, забутовку стен и фундаментов на известняковом или глиняном растворе, строить из камня и вместе с тем не отказываться от простой глинобитной техники. Они широко использовали, как уже отмечалось выше, штукатурку и побелку зданий, внутри покрывали стены рельефным стуком, иногда красили их в красный цвет или украшали живописью.

Пуническое зодчество вне зависимости от того, использовало ли оно египетские, финикийские или греческие мотивы, тяготело к упрощенности и архаизации. Обычно архаическим эпохам искусства присуще своеобразное обаяние, наивная свежесть в восприятии и эстетическом осмыслении окружающего мира. Искусство Карфагена, особенно в позднюю эпоху, не обладало этой первичностью художественного ощущения. В нарастающей архаизации и бедности его пластических форм сказывались провинциализм и запоздалое подражание уходящим стилям древности.

Представление об изобразительном искусстве Карфагена основывается на материале археологических раскопок в некрополях VII–II веков до н. э., опоясывающих город. Были найдены самые разнообразные предметы: саркофаги, статуэтки, терракотовые маски, амулеты, ювелирные украшения, фигурки сфинксов, сосуды, глиняные светильники, курильницы для благовоний; разнообразные изделия из металла: секиры, молотки, железные ножи, крючки для удочек, булавки, сосуды, лопатки, цимбалы, звоночки, круглые зеркала из бронзы, медные бляхи, священные бритвы-топорики; стеклянные флакончики и пузырьки для благовоний, миниатюрная мебель из камня, раковины для румян, магические таблички, коробочки, безделушки, расписная скорлупа страусовых яиц в виде масок или чаш. Собрание одних амулетов П. Сэнта классифицировал по разделам: скарабеи, маски, медальоны, фигурки богов, зверей, знаки (например, «глаз», «рука», «алтарь»), футляры, пластины.

Перечисление многочисленных предметов погребального инвентаря свидетельствует о том, что искусство пунийцев, как и финикийское искусство, тяготело к созданию малых прикладных форм. Следует предположить, что именно эти формы оставались в Карфагене основной областью художественного творчества, во всяком случае на более ранних этапах. Трудно судить о том, были ли все предметы объединены общей ритуальной идеей. Однако по сравнению с древнеегипетскими карфагенские погребения, которые принадлежали зажиточным слоям общества, выглядели на редкость скромно.

Сам характер эсхатологии пунийцев мало изучен. Но несомненно, что их представление о потустороннем существовании, как и у других древних семитских народов, не облекалось в развитые, связные и сложные формы. Оно не предполагало, видимо, долгих странствий усопшего в загробном мире, а восприятие этого мира как иной формы земного бытия в значительной мере упрощалось. Пребывание умершего в погребальной камере среди различных бытовых предметов, безделушек, масок и статуэток в основном символического и охранительного характера не нуждалось в том образном «ансамблевом» решении, которое отличало заупокойные культы у других народов.

Культ мертвых в древних цивилизациях стал главной религиозной идеей, которая определила общую направленность художественного творчества. Незрелый и отвлеченный характер эсхатологических представлений в карфагенском обществе имел исключительно важное значение в сложении самого типа искусства, его изобразительных особенностей.

Представление о составе погребального комплекса изменялось в течение многовековой истории Карфагена, оно отражало расширявшийся круг связей со странами Средиземноморья, развитие самих типов изделий, исчезновение одних форм и возникновение других, использование различных материалов, тех или иных технических приемов и т. д. Все это создает в целом весьма пеструю картину.

Открытие в начале XX века французскими археологами многочисленных мастерских с печами для обжига, остатками многочисленных заготовок и формочек для отлива подтвердило представление о размахе керамического производства в Карфагене. Мастерские эти процветали в позднюю эпоху и погибли с разрушением города римлянами, но сама их традиция уходила в древние времена. Изделия керамики занимали больше места в хозяйстве пунийцев, нежели в их искусстве. Приемы финикийских ремесленников здесь, по-видимому, в сильной мере смешивались с навыками местных ливийских гончаров. Обыденная карфагенская посуда не стала предметом роскоши, она отличалась простыми формами, обесцвеченным, бледно-желтоватым тоном и почти не украшалась. Тулова некоторых ранних сосудов покрывались горизонтальными полосами, а плечики – триглифным узором. С V–VI веков до н. э. появились новые, более сложные формы: «хвостатые» амфоры с ручками-ушками, кувшины-поильники, курильницы в форме женской головы, блюда, миски, стаканы, светильники, составленные из нескольких чашечек – вместилищ для масла. Найденные в Карфагене такого рода ритуальные вазы, которые жрицы Деметры с зажженным священным огнем несли на головах, свидетельствовали о греческом влиянии¹⁰. Оно сказывалось не только в усложнении форм, но и в приращении (в целом весьма скупом) растительных и даже зооморфных мотивов.

Глина местных пород служила главным материалом для погребального инвентаря VII–VI веков до н. э., в том числе для изготовления ритуальных статуэток и терракотовых масок. Позднее карфагеняне лепили из глины и статуи богов для своих святилищ, пытаясь создать скульптурные формы в более монументальном размере.

Другим древним материалом было дерево. Пунийцы широко применяли его не только в архитектуре, в кораблестроении, но и в погребальном культе, где наряду с каменными саркофагами издревле существовала традиция изготовления деревянных саркофагов. Из дерева карфагеняне тесали и мебель для своих жилищ. Представление о ней можно составить на примере миниатюрных, переведенных в мягкий известняк «моделей», обнаруженных в погребениях VI века до н. э. холма Дуимес. Каждый предмет достигает не более 4–5 см высоты. В основном изображена мебель для сидения – стулья, скамьи, низкие табуреты, все они массивные, простые, без каких-либо украшений, крепко сбитые, с прямоугольными, почти квадратными спинками и широкими ножками. Как и гончарные изделия, мебель производит на редкость бытовое, прозаическое впечатление.

Однако в пуническом погребальном культе отражалось не только примитивное представление об обеспечении умершего в загробном мире всем необходимым. Каждый предмет надеялся символической и охранительной функцией.

Непритязательная «игрушечная» мебель символизировала идею трона, божественного престола или, возможно, служила знаком высокого общественного достоинства усопшего. Предметы туалета и украшения были одновременно талисманами и амулетами. Таковы, например, близкие к египетским бритвам Нового царства медные бритвы в форме маленьких топориков, в пунических погребениях VII века до н. э. часто совершенно гладкие. Такова восходящая к представлениям первобытной магии расписная скорлупа страусовых яиц в виде масок или чаш.

В некрополях VII–VI веков до н. э. в составе погребального комплекса значительную роль играли произведения искусства, привезенные из Греции, Этрурии, Египта. Уже в VII веке до н. э. греческие торговцы стали проникать в города Северной Африки, в раскопках которых были обнаружены прекрасные изделия мастеров древней Эллады. Давние хорошо налаженные политические и торговые связи существовали между карфагенянами и этрусками. Широкий размах египетской торговли с Финикией, Грецией и Карфагеном в VII–VI веках до н. э. способствовал активному проникновению различных предметов египетского ремесла в пуническую Африку. Карфаген и Египет были связаны между собой не только морем, но и караванным путем, который шел через Киренаику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.